

А. А. Комзолова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РАН,
МОСКВА, РОССИЯ

Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов

Аннотация. Правление императора Николая I началось под лозунгом «продолжения царствования» императора Александра I. Первоначально он не стремился изменить сложившуюся при его предшественнике систему управления в западных губерниях. Однако уже во второй половине 1820-х годов произошёл постепенный отход от предыдущего курса, в частности в сферах образовательной и вероисповедной политики. Молодой император отвергал любые посягательства на целостность территории Российской империи. Он считал исторически обоснованным владение Россией «литовским наследием» императрицы Екатерины Великой. Польское восстание 1830–1831 годов рассматривалось Николаем I и его сановниками как продолжение революционных смут в Европе, начавшихся с Июльской революции в Париже. После подавления восстания началось формирование новой политической модели управления Западным краем. Намеченная Николаем I стратегия интеграции западных губерний включала такие ключевые элементы, как приведение системы местного управления в соответствие с образцами, общими для всей Российской империи; полноценное включение польского дворянства в элиту империи; упрочение общероссийских институтов; введение русского

языка в местное судопроизводство и учебные заведения; постепенная русская колонизация пограничных территорий и др. Ещё до 1830–1831 годов Николай I демонстрировал намерение не только приостановить полонизацию униатской церкви, но и сблизить греко-католиков с православными. После подавления польского восстания в сфере конфессиональной политики важное значение имели ликвидация ряда католических и униатских монастырей и секуляризация церковного имущества. Хотя в целом участие униатского духовенства в восстании было незначительным, в Петербурге большой резонанс имели известия о мятежных действиях базилианских монахов. В статье рассматривается вопрос о том, как император Николай I и его сановники оценивали роль религиозного фактора в польском восстании 1830–1831 годов в западных губерниях, а также какое значение придавали лояльности высших иерархов униатской церкви.

Ключевые слова: западные губернии, униатская церковь, польское восстание 1830–1831 годов, император Александр I, император Николай I, Д. Н. Блудов

Для цитирования: Комзолова А. А. Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов // Ортодоксия. — 2024. — № 4. — С. 30–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51

Польское восстание 1830–1831 годов с полным основанием рассматривается в историографии как ключевое событие царствования императора Николая I, и на его долгосрочные результаты неоднократно указывали исследователи. Так, М. А. Полиевктов отмечал, что польское восстание 1830–1831 годов не только в значительной мере определило «весь дальнейший ход внешней политики императора Николая I», но и его глубокие последствия обусловили то, что в правительственной программе «надолго умерла мысль об исправлении “исторической не-

справедливости” польских разделов XVIII в., и политика суровой безжалостной действительности вступила в свои права» (Полиевктов 1918: 135, 136). Вслед за дореволюционными историками Л. Е. Горизонтов выделяет 1831 год как «основополагающий рубеж», определивший начало новой «польской политики» на западных окраинах Российской империи, важным элементом которой стало жёсткое административно-правовое регулирование разных сфер жизни польского населения (Горизонтов 1999: 1, 2, 12–39). Вместе с тем многие значимые аспекты проблемы, связанной с влиянием как европейских революций 1830 и 1848 годов в целом, так и польского восстания в частности на правительственную политику на западно-русских землях, вошедших в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой, остаются вне поля зрения исследователей. В их числе — вопрос о том, как император Николай I и его сановники воспринимали конфессиональное измерение польского восстания 1830–1831 годов в губерниях «от Польши возвращённых» и как в соответствии с этим восприятием строились в этот период отношения властей с униатской церковью.

В основе русско-польского противостояния, приведшего в 1830–1831 годах к кровопролитной войне с участием регулярных армий, лежали претензии поляков на расширение территории конституционной Польши за счёт присоединения земель бывшего Великого княжества Литовского в границах 1772 года. Недовольство поляков, вылившееся в Ноябрьское восстание в Варшаве, было вызвано не только целым рядом нарушений конституции, допущенных ещё Александром I, но главным образом разочарованием и не исполнившимися надеждами на восстановление Речи Посполитой.

Со второй половины XIX века среди публицистов и историков не прекращается спор о том, действительно ли Александр I намеревался восстановить Польшу в её «древних границах». Обещания Александра I объединить новую польскую автономию с землями, вошедшими в состав Российской империи после разделов Речи Посполитой, которые во время конфиденциальных бесед он давал своим польским подданным, не были только пустыми разговорами. В заключительном Генеральном акте Венского конгресса 28 мая (9 июня) 1815 года заявлялось, что российский император предполагает по своему усмотрению даровать «внутреннее распространение» («l’extension intérieur») Царству Польскому. Неопределённость и двусмысленность данного выражения привели к тому, что многие современники и последующие исследователи

понимали эту фразу не в смысле расширения самостоятельности польского государства, а переводили как «внутреннее растяжение» (Козловский 1906: 203, 204) и видели в ней право российского императора расширять территорию Царства Польского за счёт его собственных владений. После открытия сейма в Варшаве в 1818 году Александр I поручил сенатору Н. Н. Новосильцеву, своему советнику по польским делам, подготовить перевод с латыни актов, скрепивших союз Польши и Великого княжества Литовского (Польша и Россия... 2010: 341). В декабре 1819 года Новосильцев представил императору этот перевод вместе с краткой исторической справкой о «присоединении Литвы к Польскому королевству» (Россия и Польша... 1882: 142–144).

Каковы бы ни были действительные намерения императора, современники, не знавшие всех тонкостей политической мысли Александра I, весьма серьёзно восприняли его планы по восстановлению Речи Посполитой, а также его проекты освобождения малороссийских и белорусских крестьян, что рассматривалось как необходимая предпосылка дальнейшего объединения западных губерний с Царством Польским. Более того, страх перед реализацией самодержавной властью всех этих «польских» проектов мог сыграть важнейшую роль в зарождении и развитии декабристской конспирации (Сафонов 2014: 84–98).

Правление императора Николая I началось под лозунгом «продолжения царствования» старшего брата. В манифесте 12 декабря 1825 года о своём вступлении на престол он заявил, что будет «следовать примеру» Александра I, и обещал, что исполнит «всё, чего для блага России» желал его предшественник (ПСЗ-2: Т. 1. № 1). Первоначально Николай I считал себя обязанным «быть столь же хорошим русским, как и хорошим поляком». Он не планировал ликвидировать политическую автономию Царства Польского и, напротив, стремился соблюдать принятые на себя обязательства польского конституционного короля, в том числе присягнув в 1829 году на польской конституции. Император даже мечтал создать для двух соединённых под его скипетром народов — русского и польского — своего рода «братство по оружию», для чего предлагал в 1828 году Великому Князю Константину Павловичу отправить польские войска на театр военных действий в Турцию (Шильдер 1900: № 2. С. 298, 303; № 3. С. 522, 540; № 8. С. 263).

До восстания 1830 года Николай I также не стремился каким-либо существенным образом изменить сложившуюся систему управления на землях «бывшей Литвы». В частности, были сохранены чрезвычайные

полномочия цесаревича Великого Князя Константина Павловича в отношении западных губерний. Ранее, 29 июня 1822 года, Александр I передал под его управление Белостокскую область и пять западных губерний — Виленскую, Гродненскую, Минскую, Волынскую и Подольскую (ПСЗ-1: Т. 38. № 29087). Хотя цесаревич распоряжался этими губерниями в качестве начальника отдельного Литовского корпуса и главнокомандующего действующей армией, а не наместника Царства Польского, на деле было создано особое управление всеми западными окраинами с властным центром в Варшаве. Фактически Константин Павлович осуществлял гражданскую власть на этих территориях (Киселев 2007: 54, 55).

Возглавлявшийся цесаревичем Константином Павловичем отдельный Литовский корпус был создан в 1817 году «для поддержки армии Царства Польского» и по своему составу отличался от других частей русской армии. Рекруты для него набирались среди уроженцев западных губерний, а местная шляхта составила около половины его офицерского состава. Благодаря его особому составу, обмундированию и строевым приёмам, корпусу придавался определённый «национальный облик». В итоге это соединение призвано было олицетворять возрождение воинского духа на землях исторической «Литвы». Название его частей также имело подчёркнуто «региональное» звучание (Брестский, Белостокский, Виленский, Житомирский и т. п. пехотные полки, Самогитский, Луцкий, Несвижский гренадерские полки и др.) (Лапин 2001: 113–115). В 1820-х годах Литовский корпус, дислоцировавшийся на границе с Царством Польским, оказался одним из центров формирования польских тайных обществ (Некрашевич 2016: 11–30).

Несмотря на то что со вступлением на престол Николай I выразил приверженность политическому курсу своего предшественника, молодой император не скрывал, что в его правление полякам придётся забыть о каких-либо планах по расширению территории Царства Польского за счёт земель бывшего Великого княжества Литовского. В ноябре 1827 года, отвечая на возражения Великого Князя Константина Павловича о якобы «постыдности» «литовского наследия» императрицы Екатерины II, Николай Павлович был непреклонен: «Литва и пр. — русская провинция; она не может возвратиться к Польше, потому что это значило бы посягать на целостность территории империи» (Шильдер 1900: № 2. С. 301). Уверенность Николая I в том, что пространство «Литвы» является русскими историческими землями, основывалась на его глубоко укоренившихся представлениях об истории России.

Начав с символических жестов, Николай I изменил цвета обмундирования Литовского корпуса, вместо «польских» даровав «русские». Императора беспокоил и состав Литовского корпуса: он опасался, что через десятилетие его полки «будут русскими лишь по названию, а в сущности будут польскими». В 1828–1829 годах, накануне восстания, корпус начал пополняться уроженцами русских губерний. Во время Русско-польской войны 1830–1831 годов это соединение, переименованное в 6-й корпус, сохранило верность присяге, но его участие в боевых действиях оказалось крайне неудачным (Шильдер 1900: № 2. С. 295, 299; Лапин 2001: 114–115).

Характерно, что после подавления восстания, в марте 1832 года, киевский генерал-губернатор генерал-адъютант В. В. Левашев настоятельно просил Николая I удалить 6-й пехотный корпус из западных губерний «во внутрь России», а на его место назначить «другой, из россиян составленный». Обосновывая необходимость такой замены, Левашев писал: «Входя в исследование направления умов жителей высочайше мне вверенных губерний и взвешивая те способы, кои могли бы они иметь противу нашего правительства, открываю, что неудовольствие, ими питаемое, остаётся доселе принадлежностью большей части поляков и что они до сих пор неохотно расстаются с мыслию восстановить своё отечество. Из числа способов, питающих их надежды, есть квартирование в здешних местах 6 пехотного корпуса, который будучи составлен исключительно из уроженцев польских губерний и состоя долгое время в близком сношении с войсками Польского Царства, ...заключает в себе многих готовых к участию в судьбе Польши»¹.

Размышляя в 1831 году, в период Русско-польской войны, о будущем решении польского вопроса, Николай I приходил к неутешительному выводу, что обладание коренными польскими землями противоречило интересам Российской империи. «Польша всегда была соперница и непримиримый враг России, — отмечал император. — Во время нашествия 1812 г. ни один из народов, ставших под знамёна Наполеона, не обнаруживал столько ненависти и мести, как поляки. Эти чувства, воодушевлявшие их во время всех войн против России, были ими обнаружены и в продолжение этой войны страшными зверствами. Но Господь благословил наше святое дело, и наши

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 7 (1832 г.). Д. 175. Л. 1–1 об.

войска завоевали Польшу. Они заняли её без всякой помощи какой-либо другой державы, и с 1813 г. Россия осуществляла в этой стране все права, вытекающие из завоевания». Император Александр I, стремясь «обеспечить интересы России», восстановил Польшу, даровал ей конституцию и позаботился о её процветании. Однако, по мнению Николая I, Российская империя не извлекла из своего нового приобретения, полученного ею по праву завоевания, никаких преимуществ, «кроме нравственного удовлетворения от прибавления лишнего титула к титулам своего государя». Напротив, пример «слишком большой независимости» Царства Польского негативным образом сказался на положении западных губерний, где также задумались «об освобождении из-под власти Империи», а после Ноябрьского восстания устроили «огромный пожар». Как полагал Николай I, после подавления мятежа России было необходимо отказаться от Царства Польского, поскольку оно представляло собой очаг сепаратизма и революционных идей, подрывавших основы самодержавия. При этом следовало установить границу по Висле и Нареву, предоставив Австрии и Пруссии решать дальнейшую судьбу остальных польских территорий, но с условием, что не было бы создано «новое государство, враждебное в отношении России» (Щербатов 1894: 168–175). Однако эти предложения, предполагавшие новый раздел Польши, остались только проектами, так как их осуществление зависело от согласия других заинтересованных сторон — Пруссии и Австрии, а также от изменения баланса сил на международной арене, в то время как Николай I более всего стремился к сохранению внешнеполитической стабильности.

После подавления польского восстания в качестве приоритетов внутренней политики в западных губерниях были обозначены задачи более тесной интеграции этого региона в состав Российской империи, приведение системы местного управления в соответствие с общеимперскими образцами, а также полноценное включение местного польского дворянства в общеимперскую элиту и борьба с польским сепаратизмом. Намеченная в 1830-х годах правительством Николая I стратегия интеграции этих земель основывалась на таких ключевых элементах, как упрочение общероссийских институтов, систематичное замещение местной правовой системы правом империи, постепенное введение русского языка в судопроизводство, реорганизация земской полиции, преобразование учебных заведений, мероприятия по так называемому разбору шляхты, побуждение польского дворянства к государственной службе,

постепенная русская колонизация пограничных территорий, подготовка инвентарной реформы и т. д.

В первой четверти XIX века польское культурное доминирование на «возвращённых от Польши» западно-русских землях выражалось в том, что это пространство было объединено и в отношении образовательной сферы, находясь под общим управлением попечителя Виленского учебного округа. В этот округ первоначально вошли как северо-, так и юго-западные губернии — Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилёвская, Киевская, Волынская и Подольская, а также Белостокская область. Такое объединение, как отмечал историк П. Н. Жукович, «невольно поддерживало в населении старое представление о Западной России как об особом национально-политическом теле, отличном от остальной России» (Жукович 1892: 367–368). Лишь в 1818 году учебные заведения Киевской губернии были подчинены Харьковскому учебному округу. В 1824 году учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний были переданы в ведение С.-Петербургского учебного округа. В 1829 году отдельно был выделен Белорусский учебный округ, включивший Витебскую и Могилёвскую губернии. Реформа образовательной сферы на землях «бывшей Литвы» была начата с закрытия в мае 1832 года Виленского университета. В связи с упразднением Виленского учебного округа к Белорусскому учебному округу были присоединены Виленская и Гродненская губернии, а также Белостокская область (Минская губерния была присоединена ещё ранее, в январе 1831 года). Учебные заведения Волынской и Подольской губерний были переданы созданному в 1832 году Киевскому учебному округу (Каштанова 2020: 184, 185, 187). По повелению Николая I преподавание польского языка в казённых училищах было прекращено в Могилёвской и Витебской губерниях с 1836 года, а в остальных западных губерниях — с 1839 года².

Заметным отходом от общего направления политики императора Александра I в первые годы николаевского правления оказались мероприятия в отношении униатской церкви. По желанию Александра I с 1803 года униатскими делами фактически заведовал обер-прокурор Св. Синода князь А. Н. Голицын, представлявший по ним высочайшие доклады. Затем с 1805 года эти дела были переданы министру юстиции «в особое внимание», также с правом докладывать о всех готовившихся

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 27. Д. 131. Л. 5–6; Оп. 66. Д. 231. Л. 53–59 об., 99.

решениях императору (Чистович 1879: 217, 219). Сам царь мало интересовался униатскими делами. Его увлекала идея нового построения империи как общехристианского государства на основе своеобразного экуменизма. Вместе с тем при Александре I под влиянием греко-католического митрополита Иракия Лисовского был принят ряд мер, которые препятствовали латинскому прозелитизму и укрепляли самобытность униатской церкви. Наряду с продолжением данного курса, в конце 1820-х годов по решению Николая I были сделаны первые шаги, которые свидетельствовали о намерении российского правительства не только приостановить процесс латинизации и полонизации униатской церкви, но и сблизить греко-католиков с православными, при этом официально не декларируя цель прекратить действие Брестской унии (Романчук 2012: 243–253).

Таков был внутривосточный контекст, в котором формировался правительственный курс в отношении униатской церкви в период польского восстания 1830–1831 годов.

Восстание 1830–1831 годов в западных губерниях имело целый ряд общих черт с польским мятежом 1863–1864 годов. Помимо выдвижения политических задач по реставрации Речи Посполитой в границах 1772 года и польского дворянства и шляхетства как основной социальной силы, эти восстания сближало также то, что их дальнейшая судьба решалась за пределами Западного края — в Царстве Польском. В 1831 году взятие Варшавы русскими войсками предопределило и поражение мятежников в Литве. Хотя с точки зрения военного противостояния большое значение имели вторжения в границы западных губерний крупных польских вооружённых отрядов, основной тактикой местных повстанцев была так называемая малая, или партизанская, война. Однако были и существенные различия между этими конфликтами, разделёнными почти 30-летним периодом. Восстание 1830–1831 годов не имело ярко выраженного религиозного характера. В отличие от польского восстания 1863–1864 годов, события 1830–1831 годов не сопровождались ни существенной радикализацией католического духовенства, ни массовым террором против православного духовенства и местных православных сообществ.

Вывод о том, что восстание 1830–1831 годов в целом не имело религиозного характера, делался самими представителями власти. Мятеж в Варшаве и последующее распространение его на западные губернии рассматривались николаевскими сановниками в первую очередь как

продолжение революционных смут в Европе, начавшихся с Июльской революции в Париже и восстания в Бельгии, и решающая роль в них отводилась тайным революционерам-заговорщикам, а отнюдь не представителям духовенства. В частности, на отсутствие религиозной составляющей в этом восстании в январе 1831 года указывал главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий Д. Н. Блудов, который в этот период курировал все вопросы, связанные с униатской церковью. «В характере же нынешней революции как во Франции, так и в Царстве Польском, сколько мне известно, — отмечал Блудов во всеподданнейшем докладе, — нет никакого примеса религиозного фанатизма: в Париже зачинщики и предводители бунта суть люди, не имеющие почти или вовсе никаких чувств веры, а о польской революции можно сказать, что она есть подражание французской, следствие долгих и постоянных сношений поляков с французами; нынешнее поколение в Царстве Польском возросло и образовалось или посреди беспорядков отечественной анархии, или под знамёнами Французской республики и империи, где издавна уже царствовало и, несмотря на усилия Бурбонов, несмотря на желание самого Наполеона, доселе царствует равнодушие, даже презрение к религии и, может быть, ещё более к Римско-католической Церкви»³.

В период восстания в 1830–1831 годы униатское духовенство находилось в двойственном положении. С одной стороны, оно оказалось своего рода жертвой повстанцев, поскольку имения, принадлежавшие униатской церкви, неоднократно подвергались грабежам. Например, оказалось разорено расположенное близ Вильны фундушевое имение Вакка, которое было предназначено на содержание униатских учебных заведений. Как отмечалось в донесении духовной коллегии в Петербург, это имение «от непрерывного прохода войск и особенно по случаю бывшего в оном ... сражения» было «совершенно опустошено, посеы истреблены и крестьяне, оставя свои дома, с остатками их имущества и скотом скрываются в лесах»⁴. Также было прервано обучение в Литовской униатской семинарии, когда в марте 1831 года в её помещениях был открыт военный госпиталь, размещавшийся там до августа. Одновременно, в начале июня, вследствие распространения холеры в Полоцке и окрестностях Белорусская семинария была также закрыта, а ученики распущены по домам⁵.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 5. Л. 189–189 об.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 26–26 об.

⁵ Там же. Л. 35–35 об.

С другой стороны, отсутствие религиозной составляющей в характере восстания полностью не исключало участия в нём католического и униатского духовенства. Собственно в период конфликта, в том числе и в силу определённых сложностей в коммуникации центра и окраин, Николай Павлович и его сановники не имели полного представления об участии духовенства в мятежных выступлениях. Если современные исследователи на основе широкого круга источников пытаются определить точные числовые данные и процентное соотношение участников восстания, современники довольствовались лишь приблизительными данными и более обтекаемыми формулировками. Вместе с тем даже фрагментарная и отрывочная информация признавалась представителями власти вполне достаточной для «дорисовки» общей картины.

В частности, в августе–сентябре 1831 года в Петербурге большой резонанс имели донесения с мест военных и гражданских властей об участии в восстании монахов Овручского и Почаевского базилианских монастырей. Согласно сведениям подольского и волынского военного губернатора генерал-адъютанта В. В. Левашева, которые были доложены императору, монахи Овручского базилианского монастыря «выходили встречать мятежников при вступлении их в Овруч, сами присягали им и приводили к присяге других, служили молебствие о [б] успехах бунтовщиков, отбивших рекрутскую партию». Отмечалось также, что «каноник Сероцинский предписывал эконому имений монастырских доставить в помощь мятежникам 150 вооружённых крестьян и 10 лучших лошадей». Особенно выделялись действия некоторых монахов. Так, «монах Дверницкий разъезжал с мятежниками с крестом и пистолетом в руках; он взят в сражении, и в повозке его найдено семь ружей. Монах Дидковский также находился вооружённый среди мятежников, ночевал при устроенных им орудиях и двух русских офицеров, взятых в плен, склонял к присяге мятежникам, приставя к груди пистолет». В Овруче примеру базилианских монахов последовали и монахи местного доминиканского монастыря, «присягнувшие мятежникам и приводившие к присяге жителей», а приор этого доминиканского монастыря Жучковский также освятил в церкви знамя мятежников⁶. Николай I распорядился конфисковать имение Овручского монастыря, его здания, кроме церкви, передать в военное ведомство, а церковь обратить в православную⁷.

⁶ Там же. Л. 41–42.

⁷ Там же. Л. 56–57.

В итоге осенью 1831 года среди николаевских сановников развернулась дискуссия об условиях и правилах конфискации, а затем и передачи в ведение Православной Церкви всех католических и униатских монастырей Западного края, монахи которых деятельно участвовали в восстании. Так, Левашев предложил монахов Почаевского базилианского монастыря, также участвовавших в восстании, перевести в другие базилианские обители, а сам монастырь конфисковать и возвратить Православной Церкви. Он также считал возможным распространить такую меру на все католические и униатские монастыри Юго-Западного края, монахи которых участвовали в восстании. Необходимость этой меры губернатор обосновывал в том числе и тем, что в будущем это уменьшит «способы нарушать в сем крае народное спокойствие»⁸. Размышляя о причинах участия в мятеже католического и униатского монашества, Левашев отмечал: «При общем взгляде на все поступки римско-католических и унитских монахов, обнаруженные доселе в делах о мятежниках, нельзя не убедиться, что отступление их от принятых ими обетов и нарушение верноподданнической присяги происходит от глубокого неприязненного их чувства к правительству русскому и от гнусной неблагодарности к благодетельным его об них попечениям; что сии под личиною смирения, исполненные духа вражды иступлённые фанатики, ищущие господства своего вероисповедания над всеми другими...»⁹ Блудов, в целом разделяя такой взгляд, тем не менее предлагал не торопиться с решениями, поскольку «исполнение сей важной политической мысли представляет многие трудности и требует не только тщательного, постоянного попечения наших духовных начальств, но и необыкновенного искусства»¹⁰.

В 1830–1831 годах в отношении российского правительства к униатскому духовенству на первый план вышел вопрос доверия и лояльности. Вскоре после начала восстания в Царстве Польском уже 16 декабря 1830 года по этому случаю было опубликовано окружное пастырское послание митрополита Иосафата Булгака к белому и монашествующему духовенству, а также всей пастве. Это послание было напечатано параллельно на двух языках — русском и польском, и его тираж составил 2 тыс. экземпляров¹¹. Предварительно 14 декабря Блудов представил

⁸ Там же. Л. 42 об. — 43, 44 об.

⁹ Там же. Л. 43 об. — 44 об.

¹⁰ Там же. Л. 45 — 46 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 5481. Л. 1–1 об.

Николаю Павловичу на выбор два проекта этого послания. Одобренный императором вариант призван был произвести более сильное впечатление, поскольку он был обращён «к пастве от лица самого иерарха». Следовало напечатать это послание «в достаточном числе экземпляров», «дабы каждый греко-унитский священник и мирянин могли читать и почитать оное»¹². В этом послании пастве предлагалось молиться, чтобы униатская церковь не была «осквернена хотя одним изменником и клятвopеступником». Второй вариант послания, текст которого был другим, представлял собой предписание управляющему Литовской епархией, председателю Консистории Тупальскому и управляющему Белорусской епархией Мартусевичу. Автором обоих проектов послания был епископ Иосиф (Семашко) (Записки Иосифа, митрополита Литовского. 1883: 583–585, 591–592, 595).

Лояльность униатского духовенства в глазах представителей российского правительства во многом связывалась с щекотливым вопросом о степени влияния на него духовенства католического. Вызов в апреле 1831 года в Петербург провинциала Базилианского ордена в Литве архимандрита Иосафата Жарского был обусловлен прежде всего стремлением властей изолировать его от такого вредного внешнего влияния. В столицу он был вызван «под благовидным предлогом» — как говорилось в распоряжении Литовской духовной консистории, «для объяснений по делам, касающимся ордена Базилианов». Реальной же причиной вызова Жарского были дошедшие до Петербурга сведения «о разных ложных и нелепых разглашениях в Литве, по случаю возмущения в Царстве Польском». Жарский обвинялся «в повторении нелепых слухов», распространявшихся в крае «людьми неблагонамеренными или легкомысленными». Однако Жарский смог приехать в Петербург только в ноябре¹³.

Главным инструментом укрепления лояльности униатского духовенства признавались поощрения. После окончательного подавления восстания, в декабре 1831 года, Блудов предложил императору Николаю Павловичу наградить наиболее достойных представителей высшего униатского и католического духовенства. Обосновывая важность этой меры, Блудов отмечал, что они «в минувшее время смятений и беспорядков в западных губерниях явили себя... достойными и верными подданными»,

¹² РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 4. Л. 297–297 об.

¹³ Там же. Д. 4. Л. 9–9 об., 24–25.

«содействуя, с большим или меньшим успехом» гражданским и военным властям в умиротворении края. В числе униатов назывались имена митрополита Иосафата Булгака, епископа Иосифа (Семашко), епископа Якова Мартусевича и викарного епископа Льва Яворовского. В качестве особой заслуги Иосифа (Семашко) Блудов выделял то, что он от имени митрополита Булгака составил пастырское послание к униатам, а также от имени католического епископа князя Симона Гедройца — «образцовый» проект послания к жителям Самогитии. Эти послания доказывали «дарования» Семашко, а также его преданность монарху и России. В приложении к этому всеподданнейшему докладу Блудов представил императору таблицу, в которой были указаны сан и уже имевшиеся ордена указанных представителей высшего униатского духовенства. В последней, не заполненной графе этой таблицы Николай Павлович лично отметил карандашом те награды, которые он считал нужным присвоить каждому¹⁴.

Во всеподданнейшей записке, поданной императору 3 января 1831 года, Блудов попытался обобщить свои выводы о дальнейших перспективах вероисповедной политики в этом регионе. В частности, он отмечал, что «привязанность римско-католического духовенства к России более чем сомнительна». «Надобно прибавить, — писал он, — что сие весьма естественно. Ему памятно ещё время, когда вера греко-российская была едва лишь терпима там, где ныне она почитается господствующей. Смотреть на сие равнодушно служителю той религии, которая отвергает терпимость, есть дело почти невозможное». По его мнению, католическое духовенство в западных губерниях, особенно в Белоруссии, имело больше влияния, чем в Царстве Польском. «Римско-католическая вера, — писал он, — давно уже угасшая или, по крайней мере, ослабевшая между многими поляками, в Белоруссии, хотя чуждая правительству и многочисленнейшему классу народа, но от действия слишком долго бывших там иезуитов сохранила ревностных до чрезмерности приверженцев»¹⁵.

Одновременно Блудов считал необходимым «предостеречь» военные и гражданские власти западных губерний и в отношении униатского клира. По его мнению, и в этом духовенстве, хотя и осыпанном царскими милостями, «можно с совершенной надёжностью поручиться за правила

¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 87 об., 89–90.

¹⁵ Там же. Л. 196 об. — 197 об.

разве только митрополита Булгака, епископа Семашки и, может быть, ещё двух или трёх протоиереев»¹⁶. Вместе с тем сановник был убеждён в том, что со временем, вследствие умиротворения края, влияние католического духовенства в белорусских губерниях должно было постепенно ослабнуть. Он полагал, что основным средством для достижения этой цели окажутся «время и успехи правительства». В частности, он так объяснял этот процесс: «Когда, с восстановлением порядка в Царстве Польском и тишины в Европе, навсегда исчезнет ныне, может быть, еще существующая в духовенстве и дворянстве западных губерний надежда быть отторгнутыми от России, тогда и многие нынешние католики и тем более греко-униты вспомнят, что они русского происхождения и живут на земле, издревле принадлежавшей России; и кто искренно делается русским, тому естественно обратиться и к праотеческой вере»¹⁷. Для успешной реализации этих задач, по мысли Блудова, было необходимо «единство в мерах по всем отраслям государственного управления». Следовало хотя и постепенно, но непрестанно стремиться «вводить в западные губернии всё русское, администрацию, формы судопроизводства, систему учения, язык, законы, наконец, и обычаи»¹⁸.

Таким образом, в 1830-х годах ключевыми мероприятиями в сфере вероисповедной политики в губерниях, «от Польши возвращённых», стали ликвидация ряда католических и униатских монастырей и секуляризация церковного имущества. После подавления восстания базилианское монашество утратило свою особую роль во внутренней жизни униатской церкви. Вместе с тем представители высшей иерархии греко-католиков в целом продемонстрировали свою лояльность российскому престолу. Процесс формирования новой политической модели управления Западным краем, фактически начавшийся ещё в период русско-польского вооружённого конфликта 1830–1831 годов, растянулся почти на десятилетие. Его важнейшими, во многих смыслах завершающими вехами стали отмена Литовского статута, закреплённая в 1840 году, и воссоединение белорусских униатов с Православной Церковью на Полоцком Соборе, состоявшееся немного ранее, в 1839 году. Определённая медленность и даже непоследовательность этого процесса были обусловлены стремлением Николая I

¹⁶ Там же. Л. 196–196 об.

¹⁷ Там же. Л. 197 об. — 198.

¹⁸ Там же. Л. 198 об.

и его сановников не вступать в открытый конфликт, а скорее опираться на традиционные для сословно-легитимистского государства институты, к числу которых в западных губерниях причислялась и Католическая Церковь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). — М. : Индрик, 1999. — 270 с.

Жукович П. Н. Первый русский попечитель Виленского учебного округа // Христианское чтение. — 1892. — № 5–6. — С. 362–398.

Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1883. — Т. 1. — VIII, 745 с.

Каштанова О. С. Языковая политика в сфере образования в западных губерниях и Царстве Польском в XIX в. // Центральноевропейские исследования. — 2020. — № 2 (11). — С. 180–208.

Киселёв А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX в. — Минск : Военная академия Республики Беларусь, 2007. — 171 с.

Козловский В. Россия и Царство Польское в период его автономного быта // Русская мысль. — 1906. — № 4. — С. 183–205.

Лапин В. В. Армия империи — империя в армии: организация и комплектование вооружённых сил России в XVI — начале XX в. // *Ab Imperio*. — 2001. — № 4. — С. 109–140.

Некрашевич Ф. Тайные общества Отдельного Литовского корпуса // *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Ba tyckich*. — 2016. — № 7. — С. 11–30.

Полиевктов М. [А.] Николай I: Биография и обзор царствования. — М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. — XI, [1], 95 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. — М. : Индрик, 2010. — 583 с.

ПСЗ-1. — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. — СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830.

ПСЗ-2. — Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. — СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1884.

Романчук А. А., прот. Проект общего воссоединения униатов с православными в Российской империи: первоначальный план // Труды Минской духовной академии. — 2012. — № 10. — С. 243–253.

Россия и Польша при Александре I // Русская старина. — 1882. — № 7. — С. 142–144.

Сафонов М. М. Декабризм и Речь Посполитая // Декабристы: актуальные направления исследования : сб. ст. и мат-лов. — СПб. : Нестор-История, 2014. — С. 84–98.

Чистович И. А. Состояние Униатской Церкви в России в царствование императора Александра I // Православное обозрение. — 1879. — № 5–6. — С. 205–231.

Шильдер Н. К. Император Николай и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. — 1900. — № 2. — С. 277–306; — № 3. — С. 518–544; — № 8. — С. 257–264.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность : в 7 т. — СПб. : Тип. лит. Р. Голике, 1894. — Т. 4: 1831 год. — [12], 240, 235 с.

Сведения об авторе:

Анна Альфредисовна Комзолова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21, e-mail: amok.1863@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024; одобрена после рецензирования 03.03.2024; принята к публикации 09.04.2024.

A. A. Komzolova

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES (INION)
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Policy of the Emperor Nicholas I towards the Uniate Church and the Polish uprising 1830–1831

Abstract. The reign of Emperor Nicholas I began under the slogan of “continuing the reign” of Emperor Alexander I. Initially, he did not aim to alter the governmental system in the western provinces, which had been established under his predecessor. However, by the second half of the 1820s, there was a gradual departure from the previous course, particularly in the realms of educational and religious policy. The young emperor rejected any encroachments on the territorial integrity of the Russian Empire. He regarded Russia’s possession of the “Lithuanian heritage” of Empress Catherine the Great as historically justified. Nicholas I and his officials considered the Polish rebellion of 1830–1831 as a continuation of the revolutionary unrest in Europe that commenced with the July Revolution in Paris. After the suppression of the rebellion, the process of forming a new political governance model for the Western Region commenced. Nicholas I’s strategy for integrating the western provinces included key elements such as aligning the local government system with models common throughout the Russian Empire, fully incorporating the Polish nobility into the

empire's elite, strengthening all-Russian institutions, introducing the Russian language into local judicial proceedings and educational institutions, gradual Russian colonization of border territories, and more. Even before 1830-1831, Nicholas I demonstrated his intention not only to halt the polonization of the Uniate Church but also to foster closer ties between Greek Catholics and the Orthodox Church. After the suppression of the Polish rebellion, the liquidation of several Catholic and Uniate monasteries and the secularization of church property became significant developments in the realm of confessional politics. While the overall participation of the Uniate clergy in the rebellion was insignificant, reports of mutinous activities among the Basilian monks resonated greatly in Saint Petersburg. The article explores Emperor Nicholas I and his officials' assessment of the religious factor in the Polish rebellion of 1830–1831 in the western provinces, as well as the significance they attributed to the loyalty of the highest hierarchs of the Uniate Church.

Keywords: western provinces, the Uniate Church, the Polish uprising of 1830–1831, Emperor Alexander I, Emperor Nicholas I, Dmitry Bludov

For citation: Komzolova, A. A. (2024). Policy of the Emperor Nicholas I towards the Uniate Church and the Polish uprising 1830–1831. *Orthodoxia*, (4), 30–51. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51

REFERENCES:

Gorizontov, L. E. (1999). *Paradoksy imperskoj politiki: Poliaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX — nachalo XX v.)* [Paradoxes of Imperial Politics: Poles in Russia and Russians in Poland (XIX — Early XX century)]. Moscow : Indrik. [In Russian].

Zhukovich, P. N. (1892). Pervyi russky popechitel' Vilenskogo uchebnogo okruga [The First Russian Trustee of the Vilna Educational District]. *Khristianskoe chtenie*, (5–6), 362–398. [In Russian].

Zapiski Iosifa, mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoju Akademiei nauk po zaveshchaniuu avtora : v 3 t. [Notes of Joseph, Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences

According to the Will of the Author : In 3 Vols] (Vol. 1). (1883). Saint Petersburg : Tip. Imperatorskoi Akademii nauk. [In Russian].

Kashtanova, O. S. (2020). Iazykovaia politika v sfere obrazovaniia v zapadnykh guberniakh i Tsarstve Pol'skom v XIX v. [Language Policy in the Field of Education in the Western Provinces and the Kingdom of Poland in the XIX Century]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, (2), 180–208. [In Russian].

Kiselev, A. A. (2007). *Sistema upravleniia i chinovnichestvo belorusskikh gubernii v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v.* [The Management System and Bureaucracy of the Belarusian Provinces at the End of the XVIII — First Half of the XIX Century]. Minsk : Voennaia akademiia Respubliki Belarus'. [In Russian].

Kozlovsky, V. (1906). Rossiia i Tsarstvo Pol'skoe v period ego avtonomnogo byta [Russia and the Kingdom of Poland during its Autonomous Life]. *Russkaia mysl'*, (4), 183–205. [In Russian].

Lapin, V. V. (2001). *Armiia imperii — imperiia v armii: organizatsiia i komplektovanie vooruzhennykh sil Rossii v XVI — nachale XX v.* [The Army of the Empire — the Empire in the Army: the Organization and Recruitment of the Armed Forces of Russia in the XVI — Early XX Century]. *Ab Imperio*, (4), 109–140. [In Russian].

Nekrashevich, F. (2016). *Tainye obshchestva Otdel'nogo Litovskogo korpusa* [Secret Societies of a Separate Lithuanian Corps]. *Europa Orientalis: Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich*, (7), 11–30. [In Russian].

Polievktov, M. A. (1918). *Nikolai I: Biografiia i obzor tsarstvovaniia* [Nicholas I: Biography and Review of the Reign]. Moscow : Izd. M. i S. Sabashnikovvykh. [In Russian].

Pol'sha i Rossiia v pervoi treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830 [Poland and Russia in the First Third of the XIX Century. From the History of the Autonomous Kingdom of Poland. 1815–1830]. (2010). Moscow : Indrik. [In Russian].

PSZ-1. — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe : v 45 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Meeting : in 45 Vols]. (1830). Saint Petersburg : Tip. II otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii. [In Russian].

PSZ-2. — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe : v 55 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection : in 55 Volumes]. (1830–1884). Saint Petersburg : Tip. II otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantseliarii. [In Russian].

Romanchuk, A. A., Archpriest. (2012). Proekt obshchego vossoedineniia uniatov s pravoslavnymi v Rossiiskoi imperii: pervonachal'nyi plan [The Project of the General Reunification of the Uniates with the Orthodox in the Russian Empire: the Initial Plan]. *Trudy Minskoj dukhovnoi akademii*, (10), 243–253. [In Russian].

Rossiiia i Pol'sha pri Aleksandre I [Russia and Poland under Alexander I]. (1882). *Russkaia starina*, (7), 142–144. [In Russian].

Safonov, M. M. (2014). Dekabrizm i Rech' Pospolitaia [Decembrism and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. In *Dekabristy: aktual'nye napravleniia issledovaniia : sb. st. i mat-lov* (pp. 84–98). Saint Petersburg : Nestor-Istoriia. [In Russian].

Chistovich, I. A. (1879). Sostoianie Uniatskoi Tserkvi v Rossii v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I [The State of the Uniate Church in Russia during the Reign of Emperor Alexander I]. *Pravoslavnoe obozrenie*, (5–6), 205–231. [In Russian].

Shilder, N. K. (1900). Imperator Nikolai i Pol'sha. 1825–1831 gg. [Emperor Nicholas and Poland. 1825-1831]. *Russkaia starina*, (2), 277–306; (3), 518–544; (8), 257–264. [In Russian].

Shcherbatov, A. P. (1894). *General-fel'dmarshal kniaz' Paskevich, ego zhizn' i deiatel'nost' : v 7 t.* [Field Marshal General Prince Paskevich, His Life and Work : in 7 Volumes] (Vol. 4: 1831). Saint Petersburg : Tip. lit. R. Golike. [In Russian].

About the author:

Anna Alfredisovna Komzolova — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 51/21, Nakhimovskiy Prospekt, Moscow, Russia, 117418, e-mail: amok.1863@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 16.02.2024; approved after reviewing 03.03.2024; accepted for publication 09.04.2024.